

тезис об эмпирической данности семантики имплицитно присутствует во всех рассуждениях, касающихся амбивалентных контекстов. Подобные контексты трактуются как структуры, не содержащие ограничителей, которые бы элиминировали нерелевантные значения сочетающихся слов. Но ведь это значит, что в неамбивалентных структурах такие ограничители имеются. Именно они и являются актуализаторами семантических признаков сочетающихся слов. Изучение таких актуализаторов — задача первостепенной важности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ахманова О. С. и др.* Основы компонентного анализа. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 2.
2. *Медникова Э. М.* Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974, с. 100.
3. *Черемисина М. И.* О семантических функциях слова в языке, речи, тексте.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969, с. 123.
4. *Колшанский Г. В.* О правомерности различения языка и речи.— В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1964, с. 22.
5. *Винер Н.* Кибернетика. М.: Наука, 1958, с. 201—202.
6. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1958, т. 1, с. 19—20.
7. *Блумфилд Л.* Язык. М., 1933, с. 144.
8. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958, т. 1, с. 68.
9. *Чейф У.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975, с. 6.
10. *Шрейдер Ю. А.* Об одной модели семантической теории.— В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1969, вып. 13, с. 223.
11. *Шайкевич А. Я.* Распределение слов в тексте и выделение семантических полей.— Иностранные языки в высшей школе, 1963, № 2.
12. См., например, работы *Перебийнос В. И.*: К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; ее же: Об использовании структурных методов для разграничения значений многозначного глагола.— Вопросы языкознания, 1962, № 3.
13. *Шехтман Н. А.* Семантическая редупликация и проблема тезауруса: Автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1977.
14. Подробнее об этом см.: *Шехтман Н. А.* Частотность слова и его позиция в тезаурусе.— Научно-техническая информация. Серия 2. М.: ВИНТИ, 1978, № 5.

И. Г. Кошова
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ

Грамматическое моделирование времени и пространства в их количественно-качественной оценке имеет в языке различные формы проявления, одно из которых — сужение пространственного диапазона через посредство адвербиальных элементов. Особого внимания в этом плане заслуживает частица *to*: роль ее в языковом выражении весьма многомерна. В современном английском языке она выступает и предлогом (типа *to give it*

to him), и послелогом (to look to), и частицей (типа to give). Однако во всех перечисленных случаях за ней сохраняется функция пространственной направленности, как бы сужающей сферу пространственного бытия, выделяющей относительно лимитированную часть, в которой развивается действие.

Небезынтересны в связи с этим случаи языковой парадигматики, где частица to опускается, позволяя регистрировать такое опущение как своеобразное исключение из общего правила. Причина регулярного отсутствия частицы to не объяснялась в лингвистической литературе, хотя вполне вероятно, что вскрытие именно этой причины прольет свет на природу не только самой частицы, но и языкового моделирования в целом. Представляется целесообразным выяснение фактов, которые являются своего рода дублирующими природу данной частицы и препятствующими повторению заключенного в ней качества.

Избыточность одного и того же качества, как известно, приводит в языке к перенасыщению, не только противоречащему языковой экономии, но и ведущему к систематическому отбрасыванию одного из дублирующих компонентов. Поэтому язык как рациональное явление в своем функционировании основывается на законе количественно-качественного соответствия. Принцип его действия сводится к тому, что любое качество (начиная от такой мельчайшей единицы языка как семантико-фонетический комплекс и кончая такой макролингвистической единицей как текстовой сегмент) не может выйти за пределы строго определенного количества, составляющего внутренне сбалансированную сущность самого явления. Иными словами, если количественная мера превышает качество какого-либо языкового знака, то последний может сохраняться в языке только при том условии, что один из избыточных количественных формантов, передающих это качество, будет опущен.

С этих позиций рассмотрим случаи опущения to с целью обнаружения тех значений, которые воспроизводятся сопряженными формами и не требуют дублирования частицей to.

Известно, что опущение to происходит в следующих условиях:

1) при инфинитиве: а) после модальных глаголов, б) после каузативных глаголов, в) при вторичной предикации после глаголов чувственного восприятия;

2) при направленности: а) в случае прямого дополнения (give him, pass me), б) в ряде устойчивых фразем наречного порядка (типа go further).

Заслуживают также внимания случаи, когда употребление to является обязательным. К их числу относятся: а) преинфинитивное использование to, б) введение to после глаголов to be и to have для выражения модального значения, в) вторичная предикация в конструкциях Complex Object и Complex Subject (кроме случаев, оговоренных выше).

Начнем с модальности, поскольку именно в ней обнаруживается несовпадение форм. Как известно, модальность в сфере глагольных инфинитивов типа *can, may, must* etc. не использует частицу *to* ни перед, ни после себя. Однако глаголы *to be* и *to have* в модальном значении, напротив, отмечены стяжением с нею. По-видимому, для объяснения причины этого явления следует обратиться к более пристальному рассмотрению данных глаголов.

Будучи ядерными единицами поля бытия и обладания, каждый из них лишен модальной окрашенности передаваемого им действия. Бытие, утверждая или отрицая идею существования объекта в пространстве и во времени, отмечено реальной оценкой объективной действительности. Роль частицы *to* в позиции не выходит за пределы ее общей функции — передачи процессности действия. В таком случае частица концентрирует в себе своего рода целевую установку, отвечающую на вопрос «что делать?» и таким образом сужающую качественный характер процессуальности, выраженной личной формой глагола.

Однако характер глаголов, способных притягивать к себе сужающий их инфинитив, не универсален. Так, качественная лимитация не свойственна тем глаголам, которые сами лишены качественной оценки действия. Глагол *to be* является именно такой единицей, в которой сема качественной оценки отсутствует. Выражаемое им «чистое» бытие позволяет: 1) выделить его во всех глаголах бытия (ср.: курить — *быть* в состоянии курения, ходить — *быть* в состоянии хождения и т. д.); 2) не расщеплять целевую установку в различных качественных состояниях, благодаря чему частица *to* оказывается излишней. Целенаправленность объекта выражена в глаголе настолько сильно, что за ним не может следовать еще одна динамичная структура. Поэтому после *to be* в английском языке реальная положительная или отрицательная оценка объекта идет через его сочетаемость с именными формами, ср.: *I am a teacher.*

Но как же в таком случае обстоит дело с наличием этой же частицы после *to be* в модальном значении? В связи с тем, что она встречается и после глагола *to have*, очевидно, следует сказать несколько слов и о нем. Подобно глаголу бытия, глагол обладания является ядерным для своей сферы и не наделен никаким качественным признаком, кроме «чистого» обладания. Однако нельзя забывать, что исторически он произошел в результате специфического отчленения от сферы бытия. Будучи ядерным и качественно немаркированным, этот глагол передает настолько нацеленное (или, иначе, направленное) обладание, что не требует после себя частицы *to*. Процессность в глаголе обладания, как и в глаголе бытия, имеет специфически выраженный характер. Она означает не столько действие, сколько пространственно целенаправленную характеристику объекта «иметь что-то в своем распоряжении» (в этом отноше-

нии глагол *to be* также выражает не столько действие, сколько пространственно целенаправленную характеристику объекта «быть чем-то»).

Именно этим объясняется тот факт, что ядерные глаголы, во-первых, образуют косвенные конструкции (отрицательную и вопросительную) не с помощью константного дифференциатора *do*, присущего всем периферийным и качественно маркированным единицам (ср.: *Do you want to go there? — He doesn't*), а путем своей собственной структуры (ср.: *Are you a teacher? или You haven't it, have you?*). Во-вторых, они не допускают после себя употребления грамматических форм динамического характера. Поэтому частица *to* не может следовать за ними, как не может появляться и сам инфинитив, даже не отягощенный данной частицей (типа *have go, is make* и т. д.).

Если инфинитив призван выражать движение, а *to* сообщать этому движению направленность, то опущение того и другого указывает на следующее: процессность, выражаемая обоими ядерными глаголами, в силу целенаправленности пространственной характеристики объекта (с точки зрения того, чем он является или чем владеет) не нуждается в дальнейшем уточнении этой процессности направляющими рамками. Процессность в данном случае выражает направленность настолько четко, что дальнейшее уточнение не требуется, так как в ядерных глаголах нет ослабления значения направленности. Ослабление направленности наступает, как известно, лишь за счет вытесняющего его значения качества (ср. *курить, ходить* в их отношении к *быть*). Но поскольку качество в ядерных глаголах *to be* и *to have* имеет самую нижнюю (по сути нулевую) ступень своего выражения, то естественно, что оно не может затемнять или ослаблять направленность, скорее наоборот: своей невыраженностью оно как бы усиливает передачу данного значения.

Интересно, что в каузативном употреблении (типа *take*) опущение *to* в постпозиции тоже переключается с вышеназванными случаями, хотя имеет и несколько иной оттенок — модальную побудительность. Общее заключается в том, что процессная направленность оказывается суженной рамками направленного движения, исходящего от побуждающего, поэтому опущение *to* позволяет избежать дублирования этого значения.

Вернемся к использованию частицы *to* в постпозиции глаголов *to be* и *to have*. В своем назывном значении оба эти глагола, как отмечалось выше, передают целеустремленную процессность, которая не нуждается в дополнительных указателях своей направленности. Однако как только реальность бытия (в его отрицательном или положительном выражении) меняется на нереальность, происходят существенные модификации в восприятии линии пространственной процессуальности. Исходя из положения В. И. Ленина о том, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, а движение предполагает направленность

от прошлого через настоящее к будущему [1], можно констатировать следующее: при реальном восприятии объекта линия процессуальности, в сущности, однонаправленна. Но при восприятии объекта нереального эта линия получает настолько заметные сдвиги, что нуждается в дополнительном указании своей направленности. Это, естественно, касается лишь тех случаев, где глагол по своей сути является не модальным, а ядерным глаголом двух основных сфер жизнедеятельности человека — бытия и обладания. В таких случаях утрата данными глаголами реальности в значении бытия или обладания связана с приобретением ими модального значения должноствования, выражение которого требует целенаправленного движения на объект, еще не ставший реальным. Только необходимостью отделить реальный объект от нереального и можно объяснить появление частицы *to*. Кроме того, наличие нереального объекта приводит к качественному разделению характера процессуальности: при реальном объекте она исчерпывается статичным планом своей репрезентации (ср.: *He is a teacher. He has a teacher*); при нереальном объекте она переходит на динамичную репрезентацию последнего (ср.: *He is to teach. He has to teach*).

Обратимся к выявлению природы частицы *to* в конструкциях *Complex Subject* и *Complex Object*. В обеих конструкциях *to* выражает направленность на выполнение (точнее — развертывание) действия. Поэтому в *to* сосредоточена информация двоякого свойства:

1) представление процессности;

2) пространственная однонаправленность движения по линии передачи реального объекта (в его положительной или отрицательной оценке). При этом наличие *to* оказывается необходимым в тех случаях, где движение не имеет само по себе четко выраженного направленного характера (ср.: *expect — He was expected to come*). В то же время глаголы физического восприятия (типа *to see*), напротив, в силу своей семантики выражают восприятие движения с четко очерченными рамками, поскольку линия пространственного движения объекта однонаправленно схватывается зрительным восприятием наблюдателя.

Таким образом, процессуальность лимитирована самим конкретно раскрывающим ее значением глагола, поэтому постпозитивного употребления *to* после него не требуется. Однако при этом следует учитывать грамматическую специфику формы, в которой употреблен глагол типа *to see*. Отсутствие *to* оказывается допустимым только в формах активного залога, где действие не ослабляется за счет характера своей репрезентации. Но стоит изменить характер его представления на пассивный, как линия процессуальности действия затемняется и утрачивает однонаправленность движения в пространстве. Пространственный статус действия, естественно, остается, поскольку процессуальность сохраняется как реальный фактор представления:

объекта и в пассиве, но линия движения в этой пространственной сфере требует уточнения своей направленности, и для этой цели в Complex Subject употребляется то с любым глаголом. Ср.: He was seen to go there.

Ядерные единицы бытия и обладания, переходя в сферу волеизъявления, получают статус нереальных, что подтверждается утратой ими самостоятельно выражаемой направленности и необходимости сочетаться с частицей *to*. Периферийные глаголы в силу дополнительной семантической окрашенности не могут образовывать косвенные структуры без помощи дополнительно введенного константного дифференциатора *do*. Тем не менее эта однообразность резко нарушается, стоит только все глагольные единицы «пропустить» через призму их употребления в Complex Subject и Complex Object. Оказывается, что не глаголы волеизъявления (типа *should, need, can* и т. п.), а лишь те, которые составляют периферию волеизъявления, могут свободно использоваться в данных конструкциях, ср.: *want, wish, desire, hate* или глаголы умственной деятельности *think, consider*, где еще нет реального результата мысли (они не составляют пока реализованной реальности). Несколько отходят от них глаголы физического восприятия (*feel, hear, see*). Однако и они не выражают процесс, непосредственно осуществляемый субъектом, а, напротив, констатируют нечто как бы неподвластное тому, кто это чувствует, видит, слышит: *I feel the wind blow. He watched a trout slip lazily out from under the bank.*

Таким образом, с одной стороны, использование глаголов в конструкциях Complex Object и Complex Subject позволяет выделить периферию нереальных единиц, так как этот пласт языка сам по себе настолько глубоко скомпрессировался с периферией реальных единиц, что отчленить его исследователю нелегко. (Ведь все периферийные глаголы объединены общим константным дифференциатором *do*, что еще больше затрудняет область анализа.) С другой стороны, дифференцированное использование глаголов именно в этих конструкциях показывает внутреннюю неоднородность семантических пластов, составляющих глагольную систему в целом.

Большая группа глаголов, составляющих предикаты данных конструкций,— это глаголы волеизъявления: *He wants him to go. He expected him to go.* Но волеизъявительность, сближающая границы логического бицентризма с грамматическим моноцентризмом, не снимает полностью той двухвершинности, которая исходно присуща бицентризму. Два логических центра, каждый из которых имеет свою смысловую вершину, стягиваются в анализируемых конструкциях посредством частицы *to*. Ее роль состоит именно в передаче контактных значений.

Наряду с указанными глаголами, предикатом данных структур могут выступать также и глаголы чистого бытия, которые передают восприятие,— то, что субъект видит, слышит, осязает.

Глаголы экзистенции, характеризуясь выражением центростремительности, которая формирует один логический центр, должны сохранить данный моноцентризм и на грамматическом уровне, но такое сохранение не соответствует логическому статусу. Исходно в этих конструкциях фиксируется два перекрещивающихся источника информации: первый — точка отсчета, которую как плацдарм мысли устанавливает воспринимающий объект, второй — это объект, который воспринимают. Для преодоления несоответствия в условиях коррективности при использовании глаголов бытия в языке вырабатывается тенденция, препятствующая их сочетанию с частицей *to*. Вместо нее используются грамматические формы, выражающие не контактность, а слияние. Итак, формы без *to* (*I see him cross it*) подтверждают идею грамматического моноцентризма, которая развивается как специфическая трансформация логической незначимости тематического центра.

Естественно, что из двух видов предиката, бытийного и волеизъявительного, лишь волеизъявительный наиболее близко в понятийном смысле сохраняет логический бицентризм, передавая его благодаря наличию *to*. Но сама природа волеизъявительности с четкостью показывает не только исходную неравнозначность логических центров, но и тенденцию их перехода в один грамматический моноцентр. Последнее в максимальной форме получило свое выражение в бытийных предикатах, сочетающихся с *to*. (В какой-то мере аналогичное явление наблюдается и в структуре безличных предложений, оформленных псевдоподлежащим *it*.) Функция псевдоподлежащего — установить плацдарм для развития мысли. Его логическая обесцененность приводит, как известно, в ряде индоевропейских языков к его полному опущению. Ср.: (*it is*) *early* и русское *Рано*.

Обратимся еще раз к проблеме лимитации. Если предикат (так же, как и в случае с псевдоподлежащим) служит цели установления плацдарма с точки зрения временных, залоговых и прочих характеристик, он стягивает все остальные смысловыражающие структуры вокруг себя, то есть он как бы «цементирует» конструкции в плане грамматического моноцентризма, но отличительная черта этих конструкций — явно выраженный предельный характер. Эта предельность присуща даже бытийному типу предиката и тем самым отличает моноцентризм грамматического типа от моноцентризма логического, так как последний всегда неопределен. Моноцентризм же грамматический, напротив, предполагает большее лимитационное выражение, которое связано с сохранением связи с исходнологическим бицентризмом.

Следовательно, логический бицентризм субъектно- и объектно-предикативных конструкций с неравнозначным соотношением исходного и завершающего центров может быть двойко скорректирован в грамматическом моноцентризме: 1) выражен через

контактность путем глаголов волеизъявления с использованием to, 2) через слияние глаголов бытия со значением общей лимитации.

Сказанное о лимитации в глаголах бытия не означает, что в глаголах волеизъявления лимитация отсутствует. Она, естественно, имеет место и здесь, но ее проявление носит иной характер.

Остановимся на анализе этих различий. Так, в обоих случаях лимитация является внешней по отношению к глаголу. Она приходит не только от окружающих его единиц, но, главное, от единиц, создающих перекрещивающуюся и усиливающуюся лимитацию. Ср.: *He saw him come/coming*. Предикат имеет внешнюю наполняемость за счет подлежащего. Сочетания же типа *him coming* или *him come* образуют закреплённый комплекс внутри себя и после этого выступают внешним лимитатором по отношению к глаголу-сказуемому. Следовательно, в этом случае влияние лимитационной группы опосредствованно. Внешний характер этой лимитации сохраняется и в группе волеизъявления. Ср.: *He expected him coming/to come*. Здесь имеет место не одновременность, а темпоральная последовательность, которая в ограничительном плане наиболее ярко выражена. Поэтому лимитативный аспект внешнего ограничения в глаголах волеизъявления более определен, тем самым как бы подтверждается тот факт, что значение контактности, переданное частицей *to*, является ограничительным и стягивает к себе средства внешней предельности как дополнительные.

Итак, можно представить шкалу лимитационных зависимостей по нижнему и верхнему пределам экстремальности. Если исходной структурой, подлежащей ограничению, считать глагол в предикативной форме, то его можно схематично поставить в позицию, равную началу отсчета (то есть единице). Глаголы волеизъявления, требующие наличия *to*, настолько усиливают внешний характер лимитации, что создают структуру с высшим пределом экстремальности. Глаголы же бытия, не допускающие *to*, настолько ослабляют внешний характер лимитации, что создают структуры с низшим пределом экстремальности.

Таким образом, наличие или отсутствие *to* с глаголами *to be* и *to have*, употребленных в качестве эквивалентов глагола *must*, обусловлено приобретением ими значения долженствования. Его выражение требует целенаправленного движения к объекту, еще не ставшему реальным. Необходимостью отделить реальный объект от нереального и объясняется появление частицы *to*. В случае с конструкциями *Complex Object* и *Complex Subject* появление *to* оказывается необходимым в тех случаях, где движение не имеет четко выраженного направленного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18.